

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.34>

Долгина Екатерина Станиславовна, Никулина Юлия Александровна

**ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ АНТИУТОПИИ В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 1950-Х - НАЧАЛА 1970-Х ГГ.**

В статье описываются взаимодействие и взаимопроникновение литературных жанров "научная фантастика", "утопия" и "антиутопия" в зарубежной литературе XX века. Авторами отмечено, что эти жанры имеют много общего, к примеру, социальную тематику, хотя и отличаются "набором" характерных особенностей. Принципиально понимание существенных отличительных черт: цель утопии - предсказать будущее, научной фантастики - предвосхитить это будущее, опираясь на достижения научно-технического прогресса, а цель антиутопии - развенчать идею идеального общества, приводящего к несвободе индивида.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 154-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-313.2

Дата поступления рукописи: 08.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.34>

В статье описываются взаимодействие и взаимопроникновение литературных жанров «научная фантастика», «утопия» и «антиутопия» в зарубежной литературе XX века. Авторами отмечено, что эти жанры имеют много общего, к примеру, социальную тематику, хотя и отличаются «набором» характерных особенностей. Принципиально понимание существенных отличительных черт: цель утопии – предсказать будущее, научной фантастики – предвосхитить это будущее, опираясь на достижения научно-технического прогресса, а цель антиутопии – развенчать идею идеального общества, приводящего к несвободе индивида.

Ключевые слова и фразы: утопия; антиутопия; научная фантастика; прогнозирование будущего; социальное проектирование; тоталитаризм.

Долгина Екатерина Станиславовна, к. культурологии, доцент

Никулина Юлия Александровна

Нижевартовский государственный университет

ekaterina290482@yandex.ru; nikylinaylia@rambler.ru

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ АНТИУТОПИИ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 1950-Х – НАЧАЛА 1970-Х ГГ.

Идеи социальной прогностики всегда являлись отличительной чертой социальных жанров. В XX веке эта тенденция наблюдается в жанре литературной антиутопии, которая находится в неразрывной связи с научной фантастикой и утопией. Со временем антиутопия отмежевалась в самостоятельный жанр, в котором в художественной форме иллюстрируются умственный и технологический прогресс и их возможные последствия. Актуальность исследования жанровых признаков антиутопии в научно-фантастических произведениях зарубежных писателей обусловлена их популяризацией в период 1950-1970-х гг. Главной **целью** нашего исследования является изучение возможности жанровой классификации на основе модели хронотопа спроецированного будущего. Исследование проводится на основе типологического, сравнительно-исторического, культурологического методов, а также с опорой на теорию хронотопа М. М. Бахтина. Практическая значимость определяется возможностью использования материалов нашего исследования в общих и специальных курсах по теории литературы, а также теории и истории культуры, спецсеминарах, посвященных научной фантастике и антиутопии.

Приемы утопии и антиутопии используются и в научной фантастике, только в этих литературных явлениях они не являются сюжетно доминирующими, потому что научное мышление, элементы самосознания и самопознания априори не могут являться базой научной фантастики. Научную фантастику всегда отличала авторская интерпретация влияния на развитие человеческого общества прогрессивно развивающихся научно-технических достижений. Попытки авторов глобально переосмыслить процесс развития общества с точки зрения Космоса являются отличительной чертой фантастической поэтики. Это весьма рациональный жанр, в котором сформировался хронотоп, отличный от утопии и антиутопии: параллельный ирреальный мир, не существующий во времени и пространстве, ориентированный на далекое будущее.

Тенденция повышенного интереса к утопии характерна всему XX веку, от первых до последних десятилетий. Такие известные литературоведы, как А. А. Зверев [7], О. А. Павлова [13], Е. Л. Черткова [23], Т. А. Чернышева [21] и др., отразили в своих научных трудах литературоведческие аспекты рассматриваемой проблемы.

Проблемы утопии, антиутопии и научной фантастики рассматриваются в работах зарубежных и отечественных исследователей: Л. Мэмфорда [27], О. Тоффлера [8], М. Вебера [28], Ф. Хайек [16], К. Манхейма [11], В. Д. Бакулова [1], В. Г. Хороса [18], А. И. Володина [3], В. А. Чаликовой [19], В. П. Шестакова [24], Э. Я. Баталова [2] и др.

Одним из важнейших элементов утопии является фантастика. Приемы фантастического описания являются неотъемлемой частью практически всех утопических романов. Но следует отметить, что утопия, являясь определенным видом искусства и обладая характерными ей традиционными признаками, все же отличается от научной фантастики в силу того, что образ будущего не всегда присутствует в фантастической литературе [25, с. 38]. Принципиально важной установкой утопии является создание не просто фантастического, а именно идеально совершенного, безупречного с точки зрения своей организации общества. Именно этот факт и отличает фантастику от утопии. Воображение утопии нацелено на совершенство, а не просто на необычность изображаемого общества [22, с. 159].

«Антиутопические трансформации в области научной фантастики объяснимы и даже естественны, поскольку грань, разделяющая “чистый” научный сюжет от социального, слишком тонка, диалектична», – считает исследователь А. Н. Воробьева [4, с. 174]. Большинство литературоведов склоняются к выводу, что в современной литературе чисто утопических произведений встретить практически невозможно. Утопия как жанр тесно переплетается с различными научно-фантастическими установками. И это легко объяснимо, ведь научное мышление, базирующееся на достижениях современной науки, позволяет конструировать новые утопические сюжеты, при этом непременно учитывая достижения современности. К концу XX века в литературе намечается тенденция доминирования антиутопических мотивов, которые являются базовой идейно-художественной основой произведений подобного рода. Авторское мировоззрение позволяет конструировать в рамках художественного текста результаты инновационных научно-технических идей, нацеленных

на улучшение будущей жизни человечества. Невозможность реализации этих идей связана, прежде всего, с несовершенством человеческого общества. Отсюда следует, что при определении жанра таких художественных текстов правильнее говорить о сочетании антиутопии с элементами научной фантастики. К концу XX века сформировался особый способ выражения литературного самосознания – это антиутопия, жанр достаточно объемный, основой которого является принцип стереоскопического изображения, то есть сопоставления с различных углов зрения пространственного положения предметов изображения, умение отобразить их с разных сторон. Безусловно, изначальные алгоритмы антиутопии унаследовала от своего предшественника утопии, но вместе с тем в нее были привнесены такие отличительные черты, как динамичность развития сюжета, неожиданные и фантастические сюжетообразующие повороты и, самое главное, интеллектуальный диалог с читателем.

Если определить утопию как жанр, прогнозирующий будущее, научную фантастику как жанр, которому свойственно предвосхищение этим будущим, антиутопию как развенчание этого прекрасного будущего, и все эти три компонента соединить в пространстве литературного творчества, то мы увидим неразделимость этих жанров, в которых пограничная линия, отделяющая их, весьма условна. Олдос Хаксли в предисловии к своему классическому антиутопическому роману «О дивный новый мир» не обошел вниманием многочисленные явные изменения, происходящие в мировом сообществе в плане технического прогресса. «Темой книги является не сам по себе прогресс науки, а то, как этот прогресс влияет на личность человека... Жизнь может быть радикально разделена в своем качестве только с помощью наук о жизни» [17]. Хаксли считал, что определяющим для жанра антиутопии будет исследование самого человека в технически развитом социуме, организованном государственной тоталитарной системой. На наш взгляд, именно степень погружения в проблему «цивилизация – человек – социум» является определяющей характеристикой жанра антиутопии, поскольку всем произведениям данного жанра характерно размышление о судьбах человечества (как в биологическом, так и психологическом смысле) на фоне научно-технического антуража.

Социальная тематика характерна как фантастике, так и утопии, но в фантастических произведениях вообразимое будущее становится центром авторского внимания, при этом акцент ставится не на вопросы нравственности и морали, а на влияние достижений науки и техники в вопросах формирования межличностных и социальных отношений в обществе будущего. Утопические тексты, которые предметом своего изображения делают фантастические машины, способные заменить тяжелую работу человека, концентрируют свое внимание лишь на назначении этих технических средств, подробное описание которых, как правило, отсутствует в художественных текстах. В научной же фантастике описание фантастических машин дается более подробно и расширенно. Для утопистов в принципе не очень важно подробное описание достижений научно-технического прогресса, им не важны подробности изобретения технических средств и их предназначения. В утопических текстах главной целью авторов является не изображение машин, а внутренний мир утопического героя и социум, в который он помещен: идеальный мир далекого будущего [6, с. 29]. Сочетание научной и социальной фантастики наблюдается в переходных формах, которые представлены огромным сюжетным разнообразием в изобретательной фантастике утопии [4, с. 13].

Зафиксируем отличия жанров утопии и научной фантастики:

- захватывающий сюжет, оригинальность, неограниченность авторской фантазии в принципе характерна научной фантастике, которая в дословном переводе с английского означает «научно-художественная» литература. Искусственно созданные авторским воображением общественные конструкции, которым характерна способность преодолевать любые конфликтные противоречия, имеющиеся в социуме, и принято называть утопией;
- ирреальные картины Вселенной являются предметом авторского исследования и изображения практически во всех фантастических произведениях, утопическим произведениям характерно изображение социальных преобразований общества, что является следствием авторской неудовлетворенности окружающей современной действительностью;
- путешествия по ирреальным вымышленным мирам, которые находятся за пределами мира реального, как и приключенческое начало, характерны фантастике, а утопия и антиутопия предполагают изображения идеального государства, которое построено по законам какого-либо реального общественного строя;
- научная точка зрения при описании каких-либо технических изобретений характерна авторам фантастики, для утопистов и антиутопистов это второстепенно, потому что главной целью является изображение социального устройства общества и понимания человеком своего места в этом мире.

Тематически и сюжетно данный роман является своего рода движением к жанру антиутопии. Гельвард Манн – главный герой романа – согласно традициям воспитавшего его сообщества, должен стать гильдиером Гильдии разведчиков, где служит его отец, являющийся для героя образцом для подражания. О матери Гельвард вообще ничего не знает, потому что его воспитанием занимались профессиональные учителя, которые растят всех детей Города. Это правило воспитания системы, во главе которой стоит комитет правителей, Навигаторов. Именно они решают судьбу людей общества: кем ты будешь, кто будет твоей женой, какой Гильдии ты будешь давать клятву. Суть клятвы – беспрекословное подчинение. Неслучайно и совпадение магического числа «двенадцать». Именно столько библейских апостолов мы встречаем в религиозной литературе. Двенадцать Навигаторов как бы базируются на этих прототипах и позволяют легко провести ассоциативные связи с проводниками в другие миры. Каждый житель Города, достигший зрелого возраста, вступает в права гражданина Города Земля. Последние слова клятвы звучат так: «Принося эту клятву, я отдаю себе полный отчет в том, что нарушение любого из ее пунктов влечет за собой немедленную смерть от руки моих коллег-гильдиеров» [14].

Композиционная структура романа – пять частей, авторами-рассказчиками которых являются разные действующие лица. Во второй и четвертой частях повествование ведется от лица самого автора, а в первой, третьей и пятой рассказчиком является главный герой, Гельвард. Автор как бы поясняет события, которые

происходят с героем романа. Подобный прием использован и при описании эпизода, в котором Элизабет слушает пришельцев, комментирующих все то, что происходит с Гельвардом. Переосмысливая своим сознанием и пропуская через личное мировосприятие их рассказ, Элизабет меняет свое мировоззрение, таким образом автор «запускает» еще один сюжетный конфликт: чтобы понять истинную суть, необходимо добраться до изначальной матрицы. Примечательно, что авторскую оценку всем событиям, которые происходят с героями, читатель не видит. Авторская установка такова: он созерцатель, дистанцированный от своих героев, и, чтобы познать истину, читатель самостоятельно должен произвести ряд логических умозаключений. По сути роман полифоничен, и читательская активность играет важную роль в восприятии сюжета.

Город Земля – это отделенное деревянной стеной от всего мира пространство. Он стоит на колесах и находится в динамическом движении по направлению к некоей точке, которая является своего рода опорой, центром равновесия. Но достичь ее нереально, поскольку она тоже находится в динамическом движении. В произведении нет такой характеристики, как пространственное время. Есть только пространственная длина. К примеру, возраст Гельварда равен 650 миллиардам лет. С точки зрения пространственно-временной хронологии Город является настоящим. Но если рассмотреть его положение с точки зрения системы координат, то все, что пройдено по рельсам, – это прошлое, все, что предстоит преодолеть, – это и есть будущее. Являясь членом Гильдии Разведчиков, главный герой непременно должен быть на полшага впереди Города относительно этой системы координат. Это достаточно опасно, потому что рельсы стоят в выжженной пустыне, и на Город периодически совершают набеги одичавшие туземцы. Туземцы за еду готовы выполнять тяжелую физическую работу, их женщины используются для продолжения рода после тщательной санитарной обработки и обучения элементарным фразам английского языка [Там же]. Мать Гельварда была одной из них, выполнив свой биологический долг, она опять вернулась в мир туземцев. Ни о каких материнских чувствах речи не шло изначально, потому что все в этом «дивном новом мире» имеет свою функцию. Однажды Гельварду пришлось сопровождать женщин, подобных его матери, в прошлое. Находясь вдали от Города, он с ужасом осознал, что естественная природная пища смертельна для него, в отличие от привычной синтетической. Он удивлен изменениями, которые происходят во внешности женщин. Из сладкоголосых стройных красавиц они превращаются в грубо говорящие квадратоподобные существа. После возвращения в Город Гельвард узнает, что погиб его новорожденный ребенок в результате пожара, спровоцированного голодными бунтовщиками. Он понимает, что время его отсутствия измеряется не миллиардами, а годами. Желание понять и найти разумное объяснение всему, что он увидел в прошлом, заставляет героя посвятить себя поискам секретной Директивы Дистейна.

В этой Директиве рассказывается об истории возникновения Города Земля. Город назван в честь одноименной планеты, которая была уничтожена в результате катастрофического взрыва. Жители Города живут надеждой, что оставшиеся после взрыва люди придут и спасут их. Вся жизнь горожан монотонно проходит в ожидании счастливого будущего и движении к точке оптимума, где нет искажений времени и пространства. У Директивы есть конкретная дата подписания: 24 августа 2023 года, то есть Город существует более ста лет, гильдиеры хранят тайну его существования, а движение вперед обеспечивает жизнь.

Знакомство Гельварда с Элизабет Хан, миссионеркой, заканчивается для нее страшным открытием: рисунок, выполненный Гельвардом на ленте для компьютера, подтверждает ее догадку о том, что Городу более двух веков.

Композиционная структура романа постоянно погружает читателя в различные пространственно-временные отрезки, которые рассматриваются в зависимости от заданного автором ракурса зрения. Сюжетную линию нельзя назвать линейной. Впрочем, как и всю композицию романа, которому характерна тенденция регулярного перемещения. Именно это позволяет ощутить всю абсурдность антиутопии. Хаотичное перемещение во времени и пространстве – это своего рода предостережение об опасности, неизбежной опасности, грозящей всему человечеству, если оно не сможет обуздать стихийное развитие научно-технического прогресса. Главная героиня, раскрывшая тайну Дистейна, приходит в ужас от осознания того, что Город является результатом научных исследований, проведенных в Гималайской лаборатории, где изучались гравитационные свойства Земли. Из-за энергетического кризиса случилась катастрофа: люди не просто подверглись генетическим изменениям, их органы зрения стали неспособны к реальному восприятию времени и окружающего пространства. Несмотря на то, что главные герои находятся в одном пространственно-временном измерении, в силу специфики индивидуальных зрительных рецепторов они воспринимают окружающую реальность совершенно по-разному. Своего рода катастрофой явилось для них раскрытие тайны Директивы Дистейна. Гельвард осознал, что он живет не в каком-то ирреальном мире, а на Земле, и спасти жителей города способны только они сами. Элизабет же потрясена открытием нецивилизованного, но населенного людьми островка-оазиса в безлюдном пространстве, где совершенно отсутствует цивилизация. Людям, живущим здесь, свойственны обыкновенные человеческие чувства. Герои поняли, что окружающий их мир – всего лишь отражение внутренней организации людей. Мир перевернут, потому что кто-то исказил систему координат. Для мировой реконструкции необходимо, прежде всего, изменить сознание людей. Идеология жителей Города не допускает объективного восприятия истинной реальности. И вообще ставит под сомнение наличие истины как таковой. Являясь воспитанниками жесткой тоталитарной системы, все члены Гильдии, в том числе и Гельвард, не допускают даже мысли, что окружающий их мир является абсолютно нормальным с точки зрения научных законов физики.

На наш взгляд, было бы более правильным считать, что большинство произведений, традиционно относимых к жанру научной фантастики, в которых представлены модели хронотопа воображаемого будущего, правильнее относить к антиутопическим произведениям, поскольку им характерны специфические признаки жанра антиутопии.

Дэвид Карп впервые опубликовал свой роман «Один» в 1953 году. В центре писательского внимания тоталитарное общество Соединенных Штатов Америки недалекого будущего. Его обитатели в результате постоянно происходящей промывки мозгов абсолютно лишены индивидуальности. Они миролюбивы, неагрессивны, в их обществе нет проблем бедности, безработицы, они настолько демократичны, что даже не боятся угрозы войны. Отсутствие индивидуальности у людей сформировало виртуальное идеальное будущее, что характерно для жанра антиутопии. Другой вопрос: как долго может просуществовать такое общество [26, с. 142]?

В «Страстях по Лейбовицу» [12] писателя-фантаста Уолтера Миллера основу сюжетной линии представляет жизнь человечества после ядерной войны. Не развиваясь по законам цивилизованного общества, человечество скатывается до уровня варварства. Проблематика романа позволяет говорить об антиутопической содержательной части произведения. В заброшенном бункере, построенном накануне катастрофы, живут монахи ордена Святого Лейбовица, которые пытаются сохранить остатки культуры и знаний, накопленные человечеством. Спустя пять веков цивилизация и наука возрождаются, но, следуя философскому закону «отрицание отрицаний», общество неизбежно идет к очередной страшной ядерной войне. Подстрекателями этих военных действий являются ученые, которые ради желания завоевать мировое господство готовы пожертвовать истинностью науки. Небезразличные к судьбе человечества монахи вынуждены приступить к созданию нового ковчега, который когда-нибудь найдет себе пристанище в виде земли обетованной на бескрайних просторах Вселенной.

Антиутопическим содержанием наполнен также роман «Этот идеальный день» (1970) Айра Левина [9]. Автор представил на суд читателей оригинальную антиутопическую модель. Американец Чип, воспитанный в коммуне по критериям «хорошо – плохо», является типичным представителем общества. Мощный компьютер определяет программу жизнедеятельности людей в этом обществе. Возможность увидеть это чудо техники – это наивысшая награда для ребенка нового общества. Компьютер отделен от мира стеклянной стеной и представляет собой многоэтажное чудо техники. Это материализованный идеал, который по факту оказывается фикцией. С точки зрения Семьи Чип безупречный гражданин. Он ничем не отличается от собратьев: одевается в униформу, живет в отведенной ему комнате-ячейке, прилежно доносит своему советнику обо всем происходящем и покорно принимает все корректировки мировоззрения, которым подвергает его старший советчик. Спорт и секс были для него просто естественной нуждой, что и позволяло ему выживать в государстве. Стабильность общества обеспечивалась одинаковостью существования его героев. Инакомыслящие (к примеру, дед Чипа) подлежали немедленной ссылке на острова, которых не было на карте, где сложно было выжить человеку в силу определенных климатических условий, и потому большинство из них были необитаемы.

Томас Диш в 1972 году опубликовал роман «Триста тридцать четыре» [5], в центре внимания которого Америка 20-х годов XXI столетия. В результате волчанки население страны катастрофически снизилось. Природные условия стали несовместимы с существованием жизни. Модель социума в романе представляет собой классическую антиутопическую схему. Тоталитаризм в лице Службы социального обеспечения регламентирует жизнь общества: прием пищи, оценка уровня интеллекта, условия жизни обитателей квартир собесовского дома. Перед читателем разворачивается страшная рутинная жизнь людей, распределенных на касты особого рода. Любой индивид в зависимости от принадлежности к касте либо имеет право на размножение, либо стерилизуется.

Действие романа «Очень частная жизнь» (1968) Макса Фрайна развивается по классическим канонам антиутопии. Общество разделено на инсайтеров, живущих в домах-пещерах с голографическими телеэкранами, регулярно употребляющих наркотики и практически лишенных эмоций и чувств, и аутсайдеров, вынужденных обеспечивать свое существование физическим трудом. Аутсайдеры воспринимаются инсайдерами не как люди или равные им существа, а как животные. Главная героиня романа, оказавшись в тюрьме после общения с криминальными личностями из Внешнего мира, понимает, что ее дом по сути является тюрьмой. Она хоть и принадлежит к касте инсайдеров, но не является свободной. С позиции антиутопии метафоричность сюжетной линии вполне объяснима [26, с. 146].

Станислав Лем в «Футурологическом конгрессе» [10] (1971) изобразил сюрреалистически-виртуальную реальность. Вместо человека разумного в ней живут некто, находящиеся под постоянным действием наркотиков, не способные разграничить реальность и галлюцинации. Это произведение базируется на идеологии молодежной субкультуры, которая воспринимает мир через призму виртуальной реальности. Кибертехнологии, созданные человеком, породили это пространство, но оно поработило его, а имеющиеся бунтари-одиночки не способны создавать реальное будущее. Их идеальный мир виртуален.

Интертекстуальность антиутопических произведений неоднократно подчеркивалась многими исследователями, в том числе и А. Чанцевым: «...известный призыв О. Тоффлера создавать “фабрики утопий” был успешно реализован лишь с характерной для нашей страны заменой знака на противоположный, буквально на наших глазах успешно строится “фабрика антиутопий”» [20, с. 269].

Таким образом, художественные произведения со сходной проблематикой традиционно причисляют к научной фантастике. Популяризации научно-фантастических произведений к концу XX века способствовала развивающаяся с немыслимой скоростью научно-техническая мысль. Безусловно, это требовало от авторов не просто художественного переосмысления различных научных гипотез, но и гармоничного влечения их в ткань художественных произведений. Главными героями научной фантастики этого периода являются не собственно индивиды, а человечество как общность. С человечеством происходят различные метаморфозы в условиях воздействия различных факторов [15, с. 9]. А. Н. Фетисовой удалось сформулировать принципиальное различие между фантастикой и антиутопией. Как литературный жанр антиутопия, прежде всего, обращает свое внимание на изменения природы человека, на изменения общества, которые происходят под влиянием скоротечного развития цивилизации. И этот аспект более значим и важен, чем просто результаты воплощения в жизнь научных знаний, полученных в результате развития научно-технического прогресса.

Анализируя сходства и различия в таких литературных жанрах, как фантастика, утопия и антиутопия, мы приходим к **выводу** о том, что подавляющее большинство художественных текстов, традиционно относимых к жанру научной фантастики, при условии наличия в них модели хронотопа спроецированного будущего следует относить к антиутопическим, потому что в них зафиксированы характерные признаки антиутопии. На современном этапе развития антиутопической литературы прослеживается следующая тенденция: повышенный интерес к истории; рассмотрение возможности создания идеального общества от момента зарождения до возникновения кризисных противоречий; изображение процесса внутренней эволюции индивида, способного к элементарному анализу противоречий, возникающих внутри идеального общества при столкновении с окружающей действительностью.

Список источников

1. **Бакулов В. Д.** Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2003. 352 с.
2. **Баталов Э. Я.** Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 337 с.
3. **Володин А. И.** Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М.: Политиздат, 1976. 271 с.
4. **Воробьева А. Н.** Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2006. 268 с.
5. **Диш Т.** 334 [Электронный ресурс]. URL: https://bookscafe.net/read/tomas_dish-334-14034.html#p1 (дата обращения: 18.08.2019).
6. **Долгина Е. С.** Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX-XX веков: монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2009. 111 с.
7. **Зверев А.** Крушение утопии // Иностранная литература. 1988. № 11. С. 40-45.
8. **Культурология:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 446 с.
9. **Левин А.** Этот идеальный день [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.net/books/levin_ayra/etot_idealnyy_den/read (дата обращения: 27.08.2019).
10. **Лем С.** Футурологический конгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=17158&p=1> (дата обращения: 06.08.2019).
11. **Манхейм К.** Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Авторский сборник, 1994. 700 с.
12. **Миллер У.** Страсти по Лейбовицу [Электронный ресурс]. URL: <http://knijky.ru/books/strasti-po-leybovicu> (дата обращения: 15.08.2019).
13. **Павлова О. А.** Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004. 472 с.
14. **Прист К.** Опрокинутый мир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=22460&p=1> (дата обращения: 27.08.2019).
15. **Фетисова А. Н.** Научная фантастика в условиях модерна или постмодерна: культурно-исторические аспекты: автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2008. 22 с.
16. **Хайек Ф. А.** Дорога к рабству / пер. с англ.; предисл. Н. Я. Петракова. М.: Экономика, 1992. 176 с.
17. **Хаксли О.** О дивный новый мир [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INOFANT/HAKSLI/mir.txt> (дата обращения: 30.10.2019).
18. **Хорос В.** Утопия // 50/50: опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 242-244.
19. **Чаликова В.** Крик еретика (антиутопия Евг. Замятина) // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 16-27.
20. **Чанцев А.** Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 269-301.
21. **Чернышева Т.** Русская утопия // Сибирь. 1990. № 6. С. 118-127.
22. **Черткова Е. Л.** Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: РОССПЭН, 1996. С. 156-187.
23. **Черткова Е. Л.** Утопия как способ постижения социальной действительности // Социемы. 2002. № 8. С. 90-99.
24. **Шестаков В. П.** Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 151-158.
25. **Шестаков В. П.** Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. 208 с.
26. **Шишкина С. Г.** Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009. 230 с.
27. **Mumford L.** The Story of Utopias. N. Y.: Viking Press, 1971. 315 p.
28. **Weber M.** Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. M.: Propecc, 1990. 643 S.

**ANTI-UTOPIA GENRE FEATURES IN FOREIGN SCIENCE FICTION
OF THE 1950S – THE BEGINNING OF THE 1970S**

Dolgina Ekaterina Stanislavovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Nikulina Yuliya Aleksandrovna
Nizhnevartovsk State University
ekaterina290482@yandex.ru; nikylinaylia@rambler.ru

The article describes the interaction and mutual penetration of literary genres, such as science fiction, utopia and anti-utopia, in the foreign literature of the XX century. The authors point out that these genres have much in common, for example, social problematics, though they are distinguished by their own peculiar features. The key difference lies in the following: utopia seeks to predict the future, science fiction – to anticipate the future relying on the achievements of scientific and technological progress, and anti-utopia – to dispel the conception of the ideal society, which leads to the lack of individual freedom.

Key words and phrases: utopia; anti-utopia; science fiction; future forecasting; social design; totalitarianism.